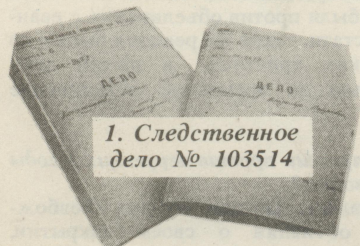

ТАМПЛИЕРЫ В МОСКВЕ

А. НИКИТИН

Рис.
О. КОЖАЛОВА

Если быть точным, дела за таким номером — 103514 — уже давно не существовало. Девять не слишком толстых канцелярских папок, которые два года назад положили передо мной на стол в одной из комнат Приемной КГБ СССР, содержали далеко не полный корпус документов прежнего следственного дела, получившего свое теперешнее оформление только в 1936 году — пять лет спустя после завершения. Впрочем, судя по некоторым пометкам, к ним обращались не раз: и в 1937—1938 годах, и в 1941-м, и позднее, — интересуясь людьми и именами. Видимо, тогда же поставленные на «тематический учет», они хранились в Центральном архиве ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ сначала за номером 499556, а затем, по-видимому, после реабилитации всех поименованных в нем лиц, — за номером Р-33312, с каковым я и получил его для ознакомления и работы.

Майор госбезопасности, которому выпало на долю меня «опекать» и который сам тщательно изучил перед встречей эти материалы, в заключение нашей беседы, как бы извиняясь за своих предшественников произнес: «...ну, а на то, что там написано, особого внимания не обращайтесь. Ничего этого, конечно же, на самом деле не было. Сами знаете, что тогда делалось!..»

Мне оставалось только понимающе кивнуть головой. В самом деле, в этих папках я не ожидал найти ничего из ряда вон выходящего. Они интересовали меня лишь потому, что в числе прочих заключали и дела моих родителей, арестованных осенью 1930 го-

Многие слышали о средневековом католическом духовно-рыцарском Ордена тамплиеров («храмовников», от франц. temple — храм). Орден был основан в начале XII века, вскоре после первого крестового похода. Первоначально резиденция Ордена находилась в Иерусалиме, близ церкви, достроенной на месте древнего Иерусалимского храма. С этим фактом связывают и название Ордена, хотя не следует забывать распространенное устное предание о том, что храмовники стремились к превращению несовершенного земного мира в гармоничную и стройную систему, к созданию духовного храма.

После падения христианского Иерусалимского королевства центр Ордена переместился в Европу. В начале XIV века французский король Филипп IV, опасаясь роста могущества Ордена, привлек его рыцарей к церковному суду, многих в 1310 году сожгли на костре... Орден был упразднен указом папы Климента V в 1312 году.

Действительно ли прекратил тогда свое существование Орден рыцарей Храма! Средневековые поэмы и романы называют тамплиеров хранителями Грааля — священной чаши с кровью Иисуса Христа. Грааль сокрыт в таинственном, почти никому не ведомом замке... Само существование рыцарей перемещается, таким образом, в «пространство мифа», а значит, выводится из-под власти земных законов, в том числе и закона неизбежной смерти. Достаточно устойчиво мнение, что тамплиеры были духовными предшественниками розенкрейцеров и более поздних мистических орденов и обществ. Тамплиеров иногда сближают с альбигойцами — представителями неортодоксального, гонимого направления в христианстве средневековой Франции и Прованса [в журнале, который вы держите в руках, мы публикуем «Тайную книгу» альбигойцев — впервые на русском языке].

Как разобратся в этом сейчас! Обратиться к первоисточникам! Такой путь многим представляется наиболее надежным, наиболее научным, и мы в этом номере журнала публикуем ассирийский миф, который позволяет по-новому взглянуть на некоторые символы тайных учений европейского средневековья [см. с. 21]. Однако легенды и обрывки старинных хроник малоубедительны для современного человека. Другое дело, если бы тамплиеры или альбигойцы дожили до XX столетия и смогли сами рассказать о себе...

И вот оказывается, что среди советских граждан, репрессированных в 30-е годы, были люди, обвиненные именно в принадлежности к Ордену тамплиеров! Существует ли связь между ними и рыцарями минувшего? Что могло стать духовной основой возрождения (или активизации деятельности) Ордена, причем в России, а не на Западе? Может быть, идеи преобразования мира, содеяния его Храмом Духа — идеи, созвучные устремлениям русской интеллигенции начала XX века? Попытку ответить на возникающие вопросы, открыть для нас новую страницу отечественной и мировой культуры делает автор, знакомый нашему читателю по многочисленным публикациям, — писатель и историк Андрей Леонидович НИКИТИН.

да, а затем отправленных на Беломорканал. По рассказам моей матери, Веры Робертовны Никитиной (1897—1976), и по оставленным ею воспоминаниям я знал, как это происходило и что им пришлось перенести. Вместе с тем она всегда подчеркивала, что, по счастью, они прошли через Лубянку и лагеря в то время, когда еще не

начались ужасы беспредела. Так что за все время следствия, а потом и за годы на Беломорканале и Свирьстрое ей ни разу не пришлось столкнуться с издевательствами или открытым садизмом, как то уже было, скажем, в это время на Соловках...

Обратиться к следственным материалам меня подвигнуло отноше-

Александр Леонович и д-р Джоу Ниидерхульд, пожалуй, самые популярные баптистские проповедники в Соединенных Штатах. Теперь они нередкие гости и у нас в стране

К 1917 году приверженцев этого вероучения было порядка ста тысяч, а в первое десятилетие Советской власти — уже около полутора миллионов.

Говоря о революции 1917-го, обычно подразумевают Октябрьскую, словно забывая о Февральской. Что касается баптистов, то как раз Февральскую революцию они восприняли с большим подъемом — ведь были провозглашены многие свободы, освобождены все узники веры, Октябрьская вызвала какое-то оцепенение. Очень тревожила и пугала пропаганда безбожия. Правда, подкупало отношение новой власти к сектантам — либеральное, куда более благосклонное, чем к православию, освящавшему прежнюю власть. В этих условиях до 1928 года верующие ЕХБ смогли организовать около 400 сельскохозяйственных коммун, мелких промышленных мастерских, артелей, столовых и т.п. И. С. Проханов разработал большую программу «Новая жизнь», в которой определил место церкви в культурной и социальной жизни общества. Он даже попытался создать христианскую демократическую партию, но большинство баптистов в этом начинании его не поддержало, сказав, что их дело — служить Богу, а политика — дело «кесарево».

Несмотря на государственный атеизм, правительство оказывало верующим-протестантам большое доверие. К примеру, кооперативная столовая в Охотном ряду, организованная баптистами, обслуживала делегатов X съезда РКП(б). А однажды я встретил женщину-латышку нашего вероисповедания, приехавшую из Америки, которая в свое время работала машинисткой у Г. Е. Зиновьева, и на одном из коммунистических конгрессов ее даже рекомендовали в Секретариат помогать Ленину.

— Вы упомянули о 400 сельскохозяйственных коммунах. В то время коммуны были популярны, и особенно среди верующих. Пожалуйста, расскажите, как развивалось это движение у баптистов.

— Что и говорить, десятилетие после Октября было временем надежд, люди всерьез пытались сделать сказку былью. Великий оптимист И. С. Проханов мечтал о городе Солнца, городе-саде; его идея необычайно заражала. Но тем горше было, когда в момент предельного оптимизма ловушка вдруг захлопнулась — коммуны ликвидировали, началось гонение на церкви и религию.

Но все же, надо сказать, опыт общинной жизни сильно идеализирован, и не без помощи кинематографа. Моя мать с родителями тоже попробовала этой жизни, я разговаривал со многими людьми, побывавшими в коммунах, встречался с человеком, когда-то организовавшим коммуны «Сеятель» (и теперь еще в тех местах есть одноименный колхоз), и могу сказать, что далеко не все было так романтично, ладно да гладко, как это зачастую представляют. Кстати, говоря о коммунах, часто ссылаются на пример апостолов. Но если читать Библию внимательнее, то оказывается, община была их собственным и не очень удачным изобретением: апостолу Павлу пришлось собирать подати, чтобы обеспечитьточный минимум бедным иерусалимским церквям.

— Итак, к 1928 году политика заметно изменилась...

— И насколько я знаю, этим переменам очень поспособствовал А. И. Рыков — один из самых ярких борцов с религией. Тогда стали закрывать наши печатные издания, церкви, распустили и союз, правда, через год он был восстановлен. Нередко это делалось лукаво, как бы руками самих верующих. Тогда же началась и шпиономания: верующих арестовывали за посылки из Америки, вменяли в вину якобы участие в международном заговоре против молодой Советской страны. По сути же это были репрессии за веру, и стоило отказаться от Бога, как тюрьмы можно было избежать. Конечно, не все были героями, не каждому это дано.

— Преследования начались в 28-м, но единство баптистов было нарушено уже двумя годами раньше?

— Да, в 1926 году начался раскол, который окончательно оформился к 1944 году: так называемые чистые баптисты вышли из союза. Тому было несколько причин. Во-первых, эта часть верующих была против решения нашего съезда, который после отмены декрета об альтернативной службе в армии постановил не пренебрегать исполнением воинского долга. И во-вторых, — они были против объединения с евангельскими христианами. Кстати, такая же реакция была и со стороны части евангельских христиан, и по сей день осуждающих своих братьев за временное объединение с нами.

— Продолжались ли репрессии против верующих в годы Великой Отечественной войны?

— Они были приостановлены. Помню, журнал «Безбожник», в начале войны объявляя о своем закрытии, опубликовал воззвание к верующим с призывом объединиться на борьбу против фашизма. К 1942 году освободили из заключения наших руководителей А. В. Карева и Я. М. Жидкова. Они сразу начали подготовку к регистрации и объединению общин. А в 1944 году в «Известиях» уже появилось сообщение о состоявшемся объединительном съезде евангельских христиан и баптистов, на котором присутствовали представители полутора тысяч церквей. Это было поразительно: значит, столько людей не изменили вере, несмотря на преследования!

— Как пережил ваш союз хрущевскую «оттепель»?

— «Оттепелью», я думаю, с гораздо большим основанием можно считать перестроечный период, а хрущевская политика в отношении верующих была лицемерной и вероломной. В отличие от наших братьев, прошедших тюрьмы и ссылки, мы поверили постановлениям ЦК КПСС 1953 года — они обещали защиту наших прав — и стали объединяться. Хрущев дал время, чтобы верующие обнаружили себя, и в 1961 году буквально одним взмахом руки закрыл 600 общин, заявив, что к 80-му году с религией в СССР будет покончено вовсе. Вот тогда-то наши умудренные горьким опытом братья, дабы всех нас не стерли с лица земли, решили обратиться к общественному мнению зарубежья. Я считаю, именно они и были борцами, как теперь это называют, за гласность и перестройку. Их преследовали, судили, высылали «за клевету», но с мировым общественным мнением властям считаться все-таки приходилось. В конце 60-х годов нам даже позволили издать Библию.

В эти же годы нажим административно-бюрократической системы на наше братство, беспардонное вмешательство в дела Союза ЕХБ привели к тяжелому расколу, в результате которого из союза в самостоятельную организацию выделился Совет церквей ЕХБ. В то время, когда велась работа по подготовке съезда, власти разрешили его провести только союзу. Тогда СК ЕХБ начал активное противостояние государственному атеизму, его насилию и гонениям за веру.

Надо сказать, Союз ЕХБ в советский период все же уцелел, центр сохранился. Думаю, это объясняется тем, что его руководство противостояло нарушениям прав верующих иначе — приходилось убеждать официальных лиц, проходя

Окончание на с. 11

ИЗ АРХИВОВ КГБ

ДАМОВА Елена Георгиевна, русская, 33 года. Приемная дочь вдовы адвоката. Образование: гимназия, один год Бухаринского рабфака, затем Государственный институт слова. Библиотечный работник, рассказчик для детей. Работала при клубе «Красный Октябрь» Московской Белоорско-Балтийской ж. д. Верующая, православная. Арестована в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. При обыске изъяты личная переписка и фотокарточки. Обвиняется в участии в контрреволюционной организации, ведении антисоветской пропаганды, создании нелегальных кружков и руководстве таковыми. Анархо-мистик, рыцарь Ордена, рассказчик орденских легенд, мифов и сказок. Содержалась в Бутырской тюрьме. Приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

жена обвинялись на пятнадцатом году строительства социализма в «контрреволюционной деятельности».

Вероятно, не только теперь, но и тогда это выглядело абсурдом. Похоже, так же расценивали это и сотрудники КГБ — и те, кто в 1962 году давал заключение о реабилитации моих родителей, и те, кто проверял дело в 1975 году, реабилитируя остальных участников, и тот майор госбезопасности, который дерзко мне посоветовал «не брать в голову» следственное обвинение. Не случайно в реабилитационных материалах, подшитых к делу, особо отмечалось, что из обвиняемых никто виновным в какой-либо контрреволюционной или антисоветской деятельности себя не признал, категорически отвергая самую ее возможность, материалы следствия доказательств вины не содержат, а кроме того, из протоколов допросов не видно, чтобы следователи стремились к убедительной аргументации обвинения.

Между тем формулы обвинения были не только жесткими, но поначалу и ошеломляющими.

В составленном 9 января 1931 года обвинительном заключении помощник начальника 1-го Отделения Секретного отдела ОГПУ Э. Р. Кирре утверждал, что арестованные были членами анархо-мистической контрреволюционной организации «Орден Света», которая представляла собой возглавляемую командором ветвь древнего рыцарского Ордена тамплиеров. Члены Ордена именовали себя рыцарями, были организованы в кружки-отряды, занимались изучением «мистической литературы» и готовили антисоветский переворот.

Больше того, Кирре утверждал, что «Орден Света» ставил своей целью «борьбу с соввластью как властью Иальдобаофа (одного из воплощений Сатаны) и установление анархического строя». Делалось же все это «путем противодействия и вредительства соввласти на колхозном фронте, среди совучреждений и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались (...) руководители, главным образом из среды интеллигенции». Правда, обвинитель признавал, что «пропаганда» велась путем рассказа членам кружков легенд, запись коих категорически запрещалась под угрозой исключения из Ордена и «вплоть до физического воздействия», под которым следовало понимать ликвидацию отступника, поскольку чуть ниже говорилось о проповеди «терроризма» «вплоть до убийств». И хотя это плохо согласовывалось с тем, что подрывная работа рыцарей на фронте колхозного строительства заключалась в «попытках евангельской пропаганды среди крестьянской массы» (что никак не подтверждало кровожадность «рыцарей»), Кирре это не смутило.

праздное любопытство. Собирая в последние годы материалы о жизни и творчестве моего отца, театрального художника Леонида Александровича Никитина (1896—1942), погибшего в результате второй волны репрессий в лагерном лазарете города Канска Красноярского края, очень скоро я обнаружил, что вместе с ними извлекаю из забвения обширный, большинству моих современников совершенно не известный пласт истории нашей культуры. Я открывал имена давно забытых людей, пропавших без вести в лагерях, обнаруживал словно бы вычеркнутые из памяти истории театральные постановки, рукописи, так и не ставшие книгами, прослеживал никому не ведомые уже ниточки, связывавшие людей и создававшие ткань нашей национальной культуры.

Кое-что удавалось найти в государственных архивах — письма, рукописи, фотографии. Однако самые необходимые сведения о человеке, даты его рождения и смерти, скупой перечень его занятий между этими краткими вехами приходилось искать за воротами «дома на Лубянке», которые однажды — и навсегда! — сомкнулись за его спиной. В известной мере это касалось и жизни моих родителей. Я не знал предьявленного им обвинения уже потому, что его не знала и моя мать, поскольку никакого суда и разбирательства в то время не было, приговор выносили в отсутствие обвиняемых, а им объявляли только срок и пункты традиционной 58-й статьи, согласно которым театральный художник и его неработающая

Параллельно с «Орденом Света» и в качестве его «дочерней» организации среди артистических и художественных кругов московской интеллигенции существовал другой орден — «Храм Искусств», созданный «с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии в противовес линии марксизма, проводимой компартией в искусстве». Для этих целей в его кружках использовались уже не устные легенды, а рукописи «мифов», «в которых проповедовался и противопоставлялся марксизму идеалистический взгляд на искусство с вклиниванием мистических идей».

«Храм Искусств» был не единственным ответвлением «Ордена Света». Информирова о возможных таких организациях в Москве, Ленинграде и других городах страны, Кирре сообщал о ликвидированных органами ОГПУ летом 1930 г. в Нижнем Новгороде «Ордене Духа», получав-

ИЗ АРХИВОВ КГБ

АНДРЕЕВ Александр Васильевич, русский, 46 лет, из крестьян Пензенской губернии. Образование: незаконченное высшее, затем специальные бухгалтерские курсы. Работал бухгалтером Союзстроя ВСНХ. Анархо-коммунист с 1906 г. Арестован в 1907 г. за анархизм, выслан на родину, откуда отправлен в Харбин солдатом. Арестовывался в 1918, 1919 и 1922 гг. Активно участвовал в работе «Черного Креста» помощи заключенным и нуждающимся анархистам, распространяя подписные листы и анархистскую литературу. Арестован 9.10.1930 г. При обыске изъяты: статьи Хархардина — «Новый мир», «Традиции под видом новых исканий», «Россия XVIII века», пьеса «Анархисты», пьеса «Маги», статья о Христе на 38 страницах, папка с трудами А. А. Карелина, 4 книги рукописей, 7 папок с разными материалами, 2 записные книжки и разная переписка. Обвинен в антисоветской деятельности, в связи с анархистским подпольем и в распространении нелегальной антисоветской литературы. Содержался в Бутырской тюрьме. Приговорен к трем годам ссылки на Урал. 17.3.1935 г. приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

ИЗ АРХИВОВ КГБ

АНОСОВ Григорий Иванович, русский, 42 года, из крестьян Воронежской губернии. Образование среднее. Инструктор по распространению печати. Анархист с 1905 г. До революции сидел за аграрные беспорядки в Воронежской губернии. В 1917 г. был в германском плену. С 1918 г. по март 1925 г. был секретарем ВФАК (Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов). В 1925 г. арестовывался за анархо-подпольную деятельность. Арестован 15.9.1930 г. При обыске изъяты: 1) газета «Рассвет» за 1925—1926 гг.; 2) папка с разными бумагами и статьями анархистского содержания; 3) папка с материалами, написанными на машинке, религиозного содержания; 4) регистр с вырезками из газеты «Рассвет» и других документов «Черного Креста» периода 1921 года, стихотворение С. Есенина «Послание евангелисту Демьяну» и другая литература; 5) 4 фотографии, различные адреса и царские (бумажные) деньги (купюры 5 руб., 10 руб., 500 руб. — четыре пачки), три банкнота по 1000 марок; 6) около пяти пудов литературы различных авторов (анархистов) и различные архивные материалы Комитета анархистов — бланки, билеты и пр.; 7) пишущая машинка «Ремингтон»; 8) четыре кредитных билета на сумму в 10 (десять) долларов. Обвинение: участие в контрреволюционной организации, создание подпольных кружков и руководство таковыми. Содержался в Бутырской тюрьме. Приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей в Ярославской области. Освобожден 4.9.1935 года и послан в Омскую область. Дальнейшая судьба неизвестна.

шем из Москвы «указания и литературу», а в Сочинском районе на Северном Кавказе — «Ордене Тамплиеров и Розенкрейцеров», где точно так же «изучали мистическую литературу и готовили восстание против советской власти».

Относительно конкретных действий арестованных выходило, что вся их вина заключалась в том, что сравнительно регулярно они собирались друг у друга на семейные вечеринки, где «путем чтения мистических произведений, рассказывания сказок, чтения докладов, пения и музыки происходила обработка в анархо-мистическом духе намеченных для вер-

ИЗ АРХИВОВ КГБ

БЕМ Дмитрий Александрович, русский, 50 лет, москвич, сын чиновника-педагога. Образование высшее, МГУ. Преподаватель, доцент теоретической механики Московского высшего строительного института и других вузов. По убеждениям анархо-коммунист с 1914 г. Заместитель заведующего музея П. А. Кропоткина. Арестован 12.9.1930 г. засадой на квартире А. А. Солоновича. Обвинение: участие в контрреволюционной организации, создание нелегальных кружков и руководство таковыми, ведение антисоветской пропаганды. Содержался в Бутырской тюрьме. Приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей в Ярославской области, затем в Нарымской ссылке. 4.6.1937 года Нарымским окружным отделом НКВД приговорен к расстрелу.

бовки в орденские кружки лиц». Несколько серьезнее выглядело указание, что московские рыцари наряду с другими музеями посещали музей П. А. Кропоткина, слушали там лекции, а некоторые из них состояли даже членами Анархической секции Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, заседания которой проходили в читальном зале этого же музея.

Кроме того, они устраивали публичные платные вечера, средства от которых шли как на нужды Музея, так и на «оказание помощи заключенным и ссыльным анархистам через «Черный Крест». Такие вечера «обслуживались бесплатными силами знакомых артистов, а также выступлениями артистов, состоящих членами «Ордена Света» или «Храма Искусств». Программы таких вечеров в большинстве случаев носили мистический уклон...».

«Рыцари», объявившиеся в Москве в год искоренения российского крестьянства и торжества «индустриализации» и «диктатуры пролетариата», не были облачены в сверкающие латы, в белые льняные плащи с красным восьмиконечным крестом тамплиеров. В списке заговорщиков — машинистки и стенографистки, переводчики, литераторы, преподаватели вузов, продавцы книг, распространители изданий «Союзпечати», артисты и художники, просто домохозяйки, — словом, представители советской интеллигенции, которая едва сводила концы с концами и толкла на бирже труда. О каком рыцарстве, каких тайных знаниях могла идти речь в те зловещие годы «великого перелома» России, когда во имя «светлого будущего» она сама изничтожалась под корень, целые селения и города приходили в запустение, а людей загоняли в топи, болота, леса, в вечную мерзлоту, под тачки великих строек? Когда фотографии родителей и родственников уничтожали только потому, что те имели неосторожность запечатлеть себя в мундире чиновника или с пожалованным за героизм или «беспорочную службу» орденом?

И все же я понимал, что с выводами не стоит спешить. Ведь и Воланда с его свитой — тоже рыцарями! — никто сначала не принимал за «князей тьмы». А в не менее известном романе А. Франса готовящиеся к восстанию и живущие в Париже ангелы точно так же не выделяются из толпы, зарабатывая на скудный ужин и являясь с анархистами. Но как в этом случае разграничить литературу и жизнь?

Названия Орден и кружков, упоминаемых в следственном деле, — «Орден Света», «Храм Искусств», «Орден Духа», «Розенкрейцеры», «Тамплиеры», просто «Рыцари»; изъятые при обысках тетрадки с «ритуалами», «легендами» и «мифами», которые руководители «отрядов» рассказывали посвящаемым; подчерк-

нуто мистический характер собраний и работа на благо общества и каждого отдельного человека — все это вызывает ассоциации с духовным масонством Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, И. Г. Шварца. Однако их время (конец XVIII века) сейчас представляется нам столь же далеким от современности, как и отстоящие от них еще дальше рыцарские Ордена. Поэтому возрождение духовных устремлений русской интеллигенции конца XVIII века выглядит в 20-х годах нашего столетия столь же невероятным, как и возрождение рыцарства.

Но что-то ведь было!

Читая протоколы, собственноручные показания арестованных, которым всякий раз при вызове на допрос приходилось вступать в своего рода дуэль со следователем, я постепенно начинал понимать, что само «дело» вовсе не замыкается на этих людях. Передо мною лежали фрагменты сложной и обширной картины, действие которой началось задолго до трагической ночи с 11 на 12 сентября 1930 года, а закончилось отнюдь не приговором Коллегии ОГПУ «в составе С. А. Мессинга, Г. И. Бокия», не известного мне Кауля и «в присутствии прокурора Р. П. Катаняна», 13 января 1931 года. Здесь были перемешаны пласты (или потоки?) потаенной жизни предшествовавших лет, которые еще предстояло открывать, изучать и осмысливать, отделяя реальность от «баснословия», как образно выражались в прошлом.

Начинать надо было с самих людей, восстанавливая их взаимоотношения, выясняя группировки и по возможности отделяя политику от быта и духовных устремлений, хотя бы уже потому, что крест исторических тамплиеров не походил на «голубую восьмиконечную звезду», фигурировавшую в символике московских рыцарей, как, впрочем, и белая роза, с которой был связан ритуал собраний. Надо было понять, каким образом могли соседствовать мистика легенд с «евангельской проповедью», а обе они — с анархистами и музеем П. А. Кропоткина, поскольку анархисты, как известно, категорически отрицали какую бы то ни было религиозность и мистицизм.

Ввести меня в круг этих людей, помочь разобраться в них и в событиях мог только один человек — мой отец, который был со всеми ними знаком. Сама его жизнь и работа представляли для меня как бы первичную хронологическую канву, накладывая которую на узоры событий можно было представить недостающие фрагменты рисунка и направление дальнейшего поиска. Впрочем, едва приступив к этой работе, я обнаружил, что в моих руках находятся материалы, прямо выводящие меня к истокам указанных событий.

Продолжение
следует

ТАМПАЙЕРЫ В МОСКВЕ

Андрей НИКИТИН

История русского анархизма, очень разнообразного по своим лозунгам и целям, вряд ли будет написана в ближайшее время. Препятствием служит как бедность документальных материалов, так и традиционный взгляд на анархизм как на политическое учение. Я полагаю, что это — скорее одно из религиозно-мистических движений нового времени, задрапированное в политические лозунги для оправдания своего крайнего радикализма.

В самом деле, несмотря на ярко выраженную антисоциальную (и даже террористическую) деятельность, на конспирацию, группировки, союзы и прочие признаки политической организации, анархисты — даже их «левое» крыло — не выработали позитивной программы развития общества. Они выступали против всего, что обеспечивает его развитие, — против государственной организации, централизованного управления и пр. Что же касается их призывов и обещаний, то последние принадлежат скорее области религиозно-этических учений, а не социальных реформ.

Задумавшись над идеями «безвластия», «экспроприации экспроприаторов», «уничтожения частной собственности», «свободы, равенства, братства и справедливости», несущих в себе несовместимые требования («равенство» исключает «справедливость» и наоборот). За этими идеями — чаяния ранних христиан и наивная вера крестьян и ремесленников средневековья во всеобщую «уравниловку», вековая мечта о «царствии Божием» на земле.

Фундаментом становилась не борьба за конкретные реформы, а протест против «социальной несправедливости», «абсолютного зла», представляющего в виде «государства», «собственности» или «эксплуатации». Анархисты считали, что действительность — это не результат общественной эволюции, а лишь арена деятельности злоумышленников («властников»), которые в ущерб обездоленным и бесправным массам пользуются преступной склонностью людей к богатству...

Знакомство с биографиями рядовых анархистов показывает, что обычно это были люди легко возбудимые, готовые на подвиг во имя «идеи», однако не привыкшие задумываться над последствиями своих поступков. Они происходили

чаще всего из малообеспеченных слоев городского и сельского населения; уже в юности они оказывались свидетелями или жертвами социальной несправедливости. Она ассоциировалась в их сознании не столько с конкретными личностями, сколько со всей социально-политической системой общества. Склонные к гипертрофическим обобщениям и болезненной чувствительности, к переоценке собственной личности, анархисты возлагали всю ответственность за происходящее на окружающий мир, обличая его так же страстно, как обвиняли когда-то Рим и Вавилон иудейские пророки и христианские проповедники.

Говорят, что революции делают молодые. Это подходит и к анархистам. Активной политической деятельностью занималась обычно «зеленая» молодежь, которая не успела получить систематического образования и не определила свою дорогу в жизни. Не потому ли с годами революционное движение покидало большинство его участников? Они находили свое место в обществе, оставляя не только свои заблуждения, но и тех соратников, которые не нашли в себе силы принять вызов жизни. За ее бортом оставались люди с неустойчивой психикой, неудачники, а также «профессионалы», которые объявляли свой образ жизни «борьбой за счастье человечества». Впрочем, были и исключения из правила.

По мере того, как в анархическом движении прошлого века происходила смена поколений, в нем (и несколько в стороне от него) появлялись фигуры людей зрелых, широко образованных, которые приступали к теоретическому осмыслению анархизма. Как правило, такие люди не запятали себя кровью жертв террористических актов, не принимали участия в вооруженных конфликтах с правительством. Душевная ранимость, чувство личной ответственности за несовершенство социального устройства, умение сострадать человечеству, стремление к его просвещению и освобождению от бед материальной нужды, сословных и на-

циональных проблем — все это выводило их далеко за пределы анархистского движения. Прежде такие люди обычно становились религиозными реформаторами. Но во второй половине XIX века в России и в Европе все, связанное с церковью, казалось образованному большинству полностью скомпрометированным. Сама мысль о тождестве требований «апостолов анархизма» с идеями христианства казалась молодежи кощунственной.

То, что «программа» анархистского обустройства общества в основном совпадает с евангельскими заветами, открылось много позже. Стало ясно, что идеалы будущего — лишь идеализируемое прошлое. Их творцы были романтиками, а романтический ум склонен искать в прошлом ответы на загадки настоящего. П.-Ж. Прудон, М. Штирнер, П. А. Кропоткин, Л. Н. Толстой, даже М. А. Бакунин, единственный из них практик революции, — все они в конечном счете строили свои теории общественно-переустройства не на политико-экономических предположениях, а исключительно на постулатах Нагорной проповеди. Удачные опыты «натуральной» организации общества они усматривали в «вольных городах» и городских цехах европейского средневековья, в общинах ессеев, в жизни первобытных народов, даже у «общественных насекомых» — пчел, муравьев и термитов... Столь резкий антиисторизм подчеркивает утопичность теоретиков анархизма, чаяния которых были разбиты революцией 1917 года и последующими событиями.

Анархисты оказались полезны для большевиков, когда требовалось экспроприировать и пустить по ветру накопленное предшествующими поколениями, отбиваясь от «белой армии». Именно тогда ярко проявилась неспособность анархистов к созидательной деятельности, их нежелание и неумение работать. С этим согласились даже их теоретики, которые поняли бесплодность своего движения в новой жизни.

Совершенно исключительное явление в этом плане представлял собой Аполлон Андреевич Каре-

ка Селевкидов по отношению к иудеям не была постоянной.

Во II веке до нашей эры началась борьба за независимость Иудеи. Движение возглавили два брата из среды жреческого сословия, из семьи Хасмонеев: Иуда Маккавей и Симон. Борьба Маккавеев длилась несколько десятилетий. Лишь Антиоху VII Сидету (139—129 годы до н. э.) удалось опять захватить всю Иудею.

В борьбе против Маккавеев Селевкиды опирались на потомков ассирийских колонистов, за что последние преследовались Маккавеями. Иуда Маккавей послал против них в Галилею своего брата с трехтысячным отрядом, который разбил галилейские войска. Иудейских жителей он взял с собой в Иудею, а в Галилее остались почти исключительно ассирийские колонисты-галилеяне.

После смерти Симона из династии Асмонеев (140—135 годы до н. э.) на престол правителя и первосвященника Иудеи вступил Иоханан Гиркан (135—104 годы до н. э.). Он продолжал политику борьбы против самаритян. Около 120 года до нашей эры Гиркан, стремясь полностью подчинить иудейские окраины центру, предпринял поход против самаритян, взял их столицу Сихем и разрушил храм на горе Гаризим. Победа Гиркана окончательно подорвала политическое значение самаритян.

Во время римского правления Палестиной древнееврейский язык исчез из повседневного употребления повсюду, удерживаясь лишь в сфере религии. В Иудее его заменило родственное арамейское наречие — ветвь ассирийского языка. Говорившие на нем самаритяне не раз упоминаются и в Новом завете — они и на рубеже новой эры, когда родился Иисус Христос, не были ассимилированы, не перестали существовать как народ. В Евангелии от Иоанна описывается эпизод, когда иудеи сказали Иисусу: «Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (Ин., 8:48). Отвечая на обвинение в одержимости бесом, Иисус не счел нужным опровергнуть первую часть вопроса.

При римлянах потомки ассирийцев испытывали двойной гнет — римлян и иудейской иерархии. Поэтому именно в районах компактного расселения ассирийцев, на севере Палестины, усилилась вера в Спасителя, который освободит людей от страданий.

Иисус Христос родился на севере Палестины, в Галилее...

К. МАТВЕЕВ, А. МАТВЕЕВ

ПОСТСКРИПТУМ

АССИРИЙСКИЕ МИССИОНЕРЫ

Роль ассирийцев очевидна в местах зарождения христианства, но она заметна и в проповеди учения далеко за пределами Палестины. Миссия апостола Варфоломея достигла закавказской Албании. Эта страна находилась к северу от Армении, ограниченная с востока Каспием, с запада — рекой Алазань, с севера — Кавказским хребтом. Новая вера встречала не только понимание, но и противление. Язычниками был убит и Варфоломей, и продолжатель его миссии епископ Елисей (ученик апостола Фаддея), и трое албанских сподвижников Елисея. Но и кровь точит камень: Албанское царство стало христианским, а могила епископа Елисея — почитаемым местом, святыней (и не только для христиан, но впоследствии и для приверженцев ислама).

Церковь закавказской Албании входила в Константинопольский патриархат, затем была самостоятельной, отошла в монофизитство. После татаро-монгольского нашествия небольшое число оставшихся христиан-албанцев присоединилось к грузинской православной церкви, и в титуле грузинского католикоса

долгое время сохранялось прибавление «и албанский».

Есть предположки считать ассирийцами и христианских проповедников в Грузии — апостолов Андрея, Симона, Матфея, а также святую Нину Каппадокийскую. Наконец, в VI веке в уже крещеную Грузию по приглашению царя прибыли 13 ассирийских священнослужителей, учеников Симеона Столпника, — для дальнейшего устройства церкви. Они открывали храмы, монастыри, школы. Трое из них стали епископами. Предстоятель грузинской церкви Евлавий даже завещал избрать католикосом руководителя сирийской миссии отца Иоанна, однако тот отказался и посоветовал царю другого — грузинского — кандидата, отца Макария.

В «Истории грузинской иерархии», изданной в прошлом веке, говорится, что эти «сирийские отцы» были для новопросвещенных христиан Грузии тем же, чем была святая Нина для языческой Грузии. Несмотря на пройденные уже тринадцать столетий до наших дней, грузинская церковь носит на себе явные следы их попечения».

ЗАДОЛГО ДО ФРЕЙДА

ДРЕВНИЕ АССИРИЙСКИЕ ПОВЕРЬЯ О ЗНАЧЕНИИ СНОВ

МОЛИТВА — верность и мир в будущем. **КРЕЩЕНИЕ** — к большой прибыли. **РАЙ** — любовь.

КНИГА — закрытая — тайна, открытая — продвижение в жизни, обожженная — к потере.

КОВЕР — богатство, приобретенное предательством.

Стрелять из **ВИНТОВКИ** — ложное удовлетворение.

ЛАМПА — страстное желание по отношению к служанке; погашенная — к уходу.

АБРИКОСЫ — к удовольствию; сушеные — к бедности; не в сезон — получение наследства.

ИНЖИР — страдания, тяжелая болезнь.

ХУРМА — если ешь, то к успеху, здоровью, приходу женщины; просто так — к печали.

Обрезать ветки **ТАМАРИСКА** — знак душевной тревоги.

КРЫСА — к радости. **ЛОШАДЬ** — к спасению. Доить **ВЕРБЛЮДИЦУ** — получить большую власть над врагом.

ЦЕРКОВЬ — убежище. **ПЕЩЕРА** — беда. Открытая **ДВЕРЬ** — успех.

ХРОМОЙ — приглашение на танец.

лин (1863—1926). Крупнейший (после М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина) теоретик и организатор анархистского движения, он очень рано понял его сильные и слабые стороны и постарался сориентировать его на формирование новой личности, возвращая человеку, оскопленному примитивным экономическим материализмом, сознание его духовной ценности «в мирах и веках», разрушая при этом догматические барьеры ортодоксальных конфессий.

А. А. Карелин родился в Санкт-Петербурге в семье «свободного художника-фотографа» А. О. Карелина (1837—1906), вписавшего одну из самых блестящих страниц в историю отечественной художественной фотографии. Вскоре семья переехала в Нижний Новгород, где поселилась в доме, который занимал раньше Н. Г. Чернышевский. Род Карелиных был достаточно известным и древним, состоял в родстве и свойстве со многими аристократическими семьями России (по женской линии А. А. Карелин был в близком свойстве с М. Ю. Лермонтовым). Однако демократический уклад семьи способствовал раннему приобретению гимназиста к нелегальной литературе (журналы «Набат», «Вперед», народолюбческие брошюры). Это наложило резкий отпечаток на его мировоззрение, утвердило в необходимости «служения народу». Известную роль сыграла и более серьезная литература — сочинения Лассаля, Чернышевского, Лаврова, Герцена. Эти книги он получал от знакомых пропагандистов, связанных с М. А. Бакуниным.

Результаты не заставили себя ждать. Впервые Карелин был арестован 7 марта 1881 года по делу «первомартовцев» (убийство Александра II). Был установлен факт его антиправительственной пропаганды среди столяров, и это обошлось ему в полгода тюрьмы. Экзамен на аттестат зрелости Карелину пришлось держать экстерном только в следующем году, после чего он уехал в Казань, где поступил подмастерьем в одну из столярных мастерских. Осенью его опять арестовали, сослали в город Цивильск, откуда Карелин бежал, перейдя на нелегальное положение. Скрываться пришлось недолго: весной 1883 года он попал в Петропавловскую крепость, в которой провел 14 месяцев, после чего был направлен в ссылку под надзор полиции в Семипалатинскую область. Там началась его литературная и научная работа. Свою первую статью — «Об Ульбитской общине» — он послал в «Восточное Обозрение» Ядринцева, а в «Юридический вестник» — статью «Отхожие и кабальные рабочие». Так к двадцати одному году у Карелина определился круг интересов на всю последующую жизнь: экономика России и устройство общинной жизни. На этой основе и складывалось его анархическое мировоззрение.

Вернувшись из ссылки в Казань, Карелин стал работать журнали-

стом в газетах «День», «Волжский вестник», «Казанский биржевой листок». В 1888 году он экстерном сдал экзамен (при Казанском университете) на звание кандидата юридических наук, однако в 1890 году был опять арестован. Его вскоре выпустили на свободу, но уже в 1892 году сослали сначала в Яренск, а затем в Вологду, где Карелин прожил до 1898 года. На этот период приходится его интенсивная литературная деятельность. Свои статьи в «Экономическом журнале», «Русской мысли», «Северном вестнике» и других изданиях Карелин печатал под псевдонимами. Известность принесли ему две книги — «Общинное владение в России» (1893) и «Краткое изложение политической экономии» (1894), — которые обеспечили ему место в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

После Вологды Карелин переезжает в Юхновский уезд Смоленской губернии, где служит секретарем земской управы, затем — в город Елец Орловской губернии. Одновременно он сотрудничает в местных газетах. В 1900 году Карелин уезжает в Иркутск и вплоть до 1905 года ведет жизнь плодотворного журналиста, выступая также в Иркутском уголовном суде, защищая малоимущих и немущих. Весь свой гонорар он возвращает подзащитным, «чтобы помочь начать им новую жизнь». Эволюционируют и его политические взгляды. Начав народником, Карелин к началу 900-х годов становится эсером, но в революции 1905 года принимает участие уже как анархист. Его арестовывают, он получает свободу по октябрьской амнистии, но почему-то вынужден бежать за границу из-за угрозы смертной казни, как сообщали близкие знавшие его люди.

Анархические убеждения Карелина формировались в процессе изучения обычного права земельной общины в Сибири и общины старообрядцев «поморского согласия» на Русском Севере, у которых (как я покажу ниже) Карелин нашел воплощение чуть ли не коммунистических идеалов. Очень может быть, что эти его наблюдения возбуждали в нем интерес и к первоосновам христианства.

Однако хронологическая канва жизни Карелина оставляет без ответа другие, более важные вопросы. Например, где и когда Карелин был посвящен в Орден? В статье Юрия Аникста, посвященной А. А. Солоновичу (о нем я буду говорить особо), есть строки, позволяющие думать, что Карелин получил посвящение еще до отъезда в Париж, куда он явился с рекомендательными письмами из России.

В Париже Карелин оказался в центре политической и культурной жизни Европы. Он читает лекции в Высшей школе социальных наук, ведет энергичную работу по объединению разрозненных группировок русских анархистов в «Братство (Федерацию) Вольных Общинников», создает новые журналы и газеты, сотрудничает в уже имеющихся.

Карелин развернул и широкую организационную работу по созданию пропагандистских кружков, изданию книг и брошюр, установлению связи с Россией по суше и через матросов Балтфлота. По аналогии с «Красным Крестом» он создает «Черный Крест помощи заключенным и нуждающимся анархистам» — организацию, которая сыграла впоследствии огромную роль уже на русской почве... У Карелина хватило энергии начать и в течение ряда лет издавать в США на русском языке газету «Голос Труда», которая, по замечанию П. А. Кропоткина, была образцом для такого рода изданий. Наконец, Карелин попытался в 1913 году сначала в Льеже, а потом в Париже провести объединительный съезд всех анархо-коммунистов, который был сорван их цюрихской группой, пустившей в ход интриги и клевету, чтобы не потерять своего влияния.

В политической и общественной деятельности Карелина в Париже нет ничего загадочного. Этого не скажешь о другой стороне его жизни, о том, что стало главным по возвращении в Россию. Но здесь мы вступаем в область предположений и догадок.

Человек энциклопедически образованный, Карелин вращался не только в эмигрантской среде. Свободно владея несколькими европейскими языками, он занимался в научных библиотеках, выступал с публичными лекциями, работал в архивах. Он общался с французской интеллектуальной элитой. Многие ее представители были членами масонских лож и тайных орденов. Интерес этих организаций к распространению своего влияния в России открыл их двери для русских.

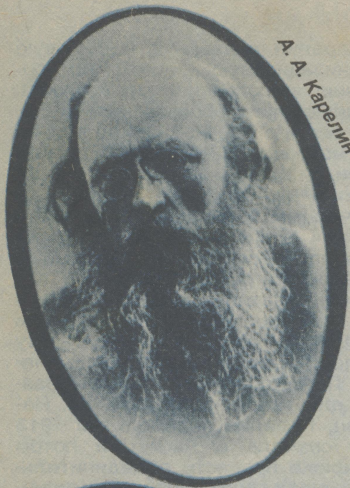
То была эпоха растущего интереса к таинственным явлениям, к эзотерическим учениям Востока. Открытия археологов, расшифровка древних текстов (среди которых были и сочинения гностиков), революция в естественных науках — все это, казалось бы, подтверждало идеи оккультистов. В такой обстановке интерес Карелина к этическим проблемам будущего общества, который еще в России приобрел у него религиозный оттенок, получил во Франции развитие на основе европейской орденской мистики.

В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года. Высокий — на голову выше большинства окружающих, — широкоплечий, с окладистой бородой и густой гривой волос до плеч, он, по свидетельству современника, «походил на могучего викинга или древнего русского богатыря». Это впечатление смягчалось очками с неожиданно маленькими стеклами, за которыми сияли внимательные, располагавшие собеседника к доверию глаза.

Когда П. А. Кропоткин разочаровался в революции и не встретил понимания у своих последователей, он отошел от политической и общественной деятельности, удалился в добровольную ссылку в

Семипалатинская ОБЛ.
в составе Томской епархии.

Составлен
состав в архиве
репрессирован в 1937.

А. А. Карелин

В. С. Смышляев

его силами был создан Клуб Анархистов в Леонтьевском переулке. Когда же с 1921 года анархизм стал испытывать все большее гонение со стороны властей, а анархисты стали пополнять тюрьмы и концлагеря, Карелин возобновил в 1924 году издание в США газеты «Рассвет» и способствовал изданию журнала «Пробуждение», который служил до 1931 года органом почти исключительно анархистов. Именно там печатали статьи по вопросам культуры и искусства московские тамплиеры.

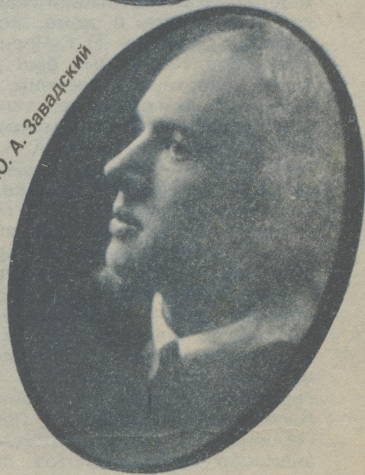
Если судить о Карелине только по статьям и брошюрам, опубликованным в открытой печати в 1917—1923 годах («Вольная деревня», «Как жили и будут жить крестьяне», «Что такое анархия», «Россия в 1930 году» и др.), то перед нами предстанет теоретик анархо-коммунизма, выступающий с общинных позиций. Исходя из утверждения, что земля — ничья, поскольку «никем не сделана», Карелин делал вывод, что она и не должна никому принадлежать: право на нее имеет каждый, кто ее обрабатывает (и до тех пор, пока обрабатывает). Земля должна отойти крестьянам бесплатно, никому никаких податей с нее платить не надо, ибо «когда Адам пахал, а Ева пряла, где были дворяне?». Все помещичье имущество должно быть разделено между крестьянами «по едокам»; мебель и одежду следует поделить по домам уравнилельно, передав остатки в мирское пользование; сельскохозяйственный инвентарь должен находиться исключительно в общинном владении, чтобы крестьяне могли поочередно работать на плугах, молотилках, веялках... «Ну, а потом, — уверял Карелин, — и так устроим, что все равно, что город, что деревня — как будто одним братством будем жить. Все, что надо в деревне, крестьяне в городе возьмут; все, что надо городу, рабочие в деревне возьмут. Сегодня в деревне, а на зиму в город работать пошел, а летом на сенокос или жатву из города рабочие в деревню придут помочь нам убираться...».

Не только теперь, когда мы пережили подобные опыты строения сельско-городской жизни, но и в те времена, когда писал Карелин, эти идеи вызывали улыбку. Такая идиллия могла иметь место разве что в начале средневековья. А ведь писал это человек широко образованный, хорошо знавший и крестьянский труд, и городскую жизнь. Видимо, он был неисправимым мечтателем-утопистом, который чаёт «Царства Божия на земле», а потому живет в двух измерениях сознания — бытовом и фантастическом.

Карелин был одним из тех людей, которыми богата Россия. Он принял на себя миссию учителя и глубоко верил в нее. Человек бесконечной доброты и деликатности, никогда не навязывавший своих взглядов, ограничиваясь их изложением, Карелин вызывал

В. А. Завадская

Ю. А. Завадский

глубокое уважение как у друзей, так и у идейных противников. Когда в 1919 году эсеры организовали суд над известным Я. Блюмкиным по поводу его связей с ВЧК, «председателем суда, — вспоминал Г. Н. Максимов, — был выбран анархо-коммунист Карелин, человек исключительной общественной честности и чистоты своих идей, донесший их до глубокой старости без изменения... Он был членом ВЦИК и жил со своей женой в гостинице «Националь». Заседания суда происходили в его комнате...».

В этой небольшой комнатке, заваленной анархистской литературой, проходила большая часть жизни Карелина, особенно после 1923 года, когда обострившаяся болезнь резко ограничила возможности его передвижения. Здесь проходили заседания Секретариата ВФАК, «Черного Креста», отсюда велась переписка, рассылалась литература по всей России. Здесь же с раннего утра до позднего вечера толпились рабочие, крестьяне, студенты, профессора, артисты, литераторы, политические деятели — все, кому нужно было излить душу, услышать умное слово. Работавший вместе с Карелиным член Секретариата Федерации И. Хархардин вспоминал «письмо, в котором какой-то крестьянин спрашивал, можно ли ему, анархисту, жениться

Дмитров. Карелин же очень скоро завоевал на родине популярность многочисленными выступлениями, газетными и журнальными статьями, брошюрами. Переехав вслед за правительством из Петрограда в Москву, он вместе с А. Ю. Ге и Р. З. Эрмандом согласился войти в состав ВЦИКа, основав там анархистскую фракцию исключительно на правах наблюдателей (они не принимали участия в решениях, даже воздерживаясь от голосования). Вместе с тем, к негоднованию большинства депутатов, Карелин не упустил возможности выступить с протестом против начавшегося «красного террора». Особенно страстно он ратовал за отмену смертной казни, посвятив этому вопросу специальную брошюру, которая была напечатана только после его смерти и — в Америке.

На 1918 год приходится пик организаторской деятельности Карелина — насколько позволяли обстоятельства. Он создал наконец давно задуманную Всероссийскую Федерацию анархистов и анархо-коммунистов (ВФАК), продолжал работу по объединению разрозненных течений и групп, вел обширную переписку с анархистами всей России, издавал газету «Свободная Коммуна», а позднее — журнал «Вольная Жизнь». После того, как Карелин стал членом Секретариата Московского Союза Анархистов,